

Перерождение / Rebirth (рассказ)

WARPFROG Гильдия Переводчиков Warhammer <i>Перерождение / Rebirth (рассказ)</i>	
	
Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Эпоха Тьмы / Age of Darkness
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Я не знаю, сколько пробыл без сознания. Хотя должен — благодаря улучшенной памяти и каталептической функции я мог бы вспомнить хоть что-то, но все покрыто мраком.

Думаю, это часть процесса. Они хотят посеять во мне сомнения, вынудить спрашивать себя, почему я здесь. Если так, тогда они преуспели. Абсолютная неспособность вспомнить хотя бы что-нибудь не дает мне покоя. Я не могу жить в *неведении*. Мне кажется, словно я продолжительное время об очень многом

не знал.

Но я пока жив, а мои сердца бьются. Для начала неплохо. С тех пор, как я пришел в сознание, у меня была пара минут, чтобы собраться с мыслями. Это неплохо, хотя, без сомнения, также часть коварного плана.

Я обращаю внимание на основы, физические условия своего заключения. Благодаря этому могу сосредоточиться. Я чувствую, как понемногу начинает возвращаться ясность мыслей.

Сажу на стуле. Обнажен. Мои запястья, колени, шея и грудь скованы железными оковами.

Нет, не железными — их я смог бы сломать. Чем-то столь же грубым и неподатливым.

Света почти нет. Я могу лишь рассмотреть свои руки. Дышать мне удастся с трудом, а за сросшимися ребрами чувствуется застарелая боль. Мое второе сердце пока бьется, подтверждая то, что я исцеляюсь после обширной травмы или истощения. Я не чувствую на теле каких-либо значительных ран, хотя на нем есть множество синяков и ссадин, говорящих о том, что мне недавно пришлось побывать в бою.

Я лишен внутреннего взора. Не чувствую поблизости ни одной души. Я вспоминаю, впервые с тех пор, как вступил в ряды легиона, что значит остаться наедине со своими мыслями. Сначала это кажется удивительно приятным, словно наткнуться на радостный миг из детства.

Но это длится недолго, поскольку физические ощущения не настолько урезаны. Когда тело начинает приспосабливаться, а способности возвращаться, я понимаю, что не один. Во мраке комнаты есть кто-то еще. Я не вижу его, зато чувствую и слышу. Его руки обгажены кровью, из-за которой воздух в комнате стал резким и неприятным. Его дыхание прерывистое и неровное, словно у зверя, который остановился после долгого бега.

Пока я чувствую лишь это. Еще какое-то время мы оба молчим, и я пытаюсь вспомнить предшествующие события. Воспоминания возвращаются медленно и обрывками.

Ему нужно много времени для того, чтобы заговорить. Когда он все же решается, его голос застает меня врасплох.

Он звучит величественно. В нем чувствуется едва сдерживаемая дикость, утробное рычание, которое окутывает слова и подчеркивает их точно отмеренной толикой угрозы. Подозреваю, что я чувствую себя неуютно не от смысла слов, но просто из-за того, как говорит мой дознаватель.

Итак, допрос начинается так же, как начинались все подобные действия, как миллионы дознавателей начинали с самого момента зарождения организованного насилия.

┌ - - - - - ───┐
┌ Назови свое имя и роту, - говорит он. ───┐
└ - - - - - ───┘

И в один миг, один ужасный миг я понимаю, что не могу этого вспомнить.

«Геометрический» бесшумно, отключив бортовые огни, вышел на высокую орбиту. Планета, лежащая в двухстах километрах внизу, была почти столь же темной. Она была черной, словно пустота, испещренная ярко-красными прожилками там, где по земной коре текла магма или что-то горело.

Стоявший на командном мостике эсминца брат-капитан Менес Каллистон наблюдал за сближением

через иллюминаторы реального космоса. Воин был облачен в полные боевые доспехи, за исключением шлема. Его темные глаза неотрывно следили за горизонтом планеты, которая теперь заполняла большую часть плексигласовых экранов у него над головой. На его грубоватом, строгом лице, как обычно, не проявлялось никаких эмоций. Тонкий патрицианский нос делил широкие скулы. Его кожа казалась сухой, будто старый пергамент, а волосы цвета жженой умбры были коротко подстрижены. Единственная татуировка, символ атенейского культа-дисциплины, отмечала его правый висок.

Его доспехи были выкрашены в насыщенно-красный глянцевый цвет, а на наплечниках белой и золотой краской выведены символы и числа Четвертого братства Пятнадцатого легиона астартес, Тысячи Сынов. Пока он стоял в раздумьях, к нему приблизился другой воин. Новоприбывший был ниже ростом, более жилистый и энергичный с виду, его лицо казалось воплощением среднестатистического астартес: бычья шея, квадратная челюсть, тугие мышцы плотно прилегают к крепким костям. Он мог быть и моложе первого, но из-за превратностей генного кондиционирования об этом было сложно судить.

Г - - - - -
Г - Вражеские сигналы? – не оборачиваясь, спросил Каллистон.
Л - - - - -
Г - - - - -
Г - Нет, – подтвердил брат-сержант Ревюель Арвида.
Л - - - - -
Г - - - - -
Г - А ты ничего не чувствуешь?
Л - - - - -

Арвида, являвшийся корвидом, скорбно улыбнулся.

Г - - - - -
Г - Теперь это не так просто, как раньше.
Л - - - - -

Каллистон кивнул.

Г - - - - -
Г - Да, не так.
Л - - - - -

На колонне управления слева от Каллистона замерцало несколько рун. Над ней возникло гололитическое изображение в форме вращающейся сферы, на которой были отмечены вычисленные траектории снижения на планету.

Г - - - - -
Г - Транспорт готов, капитан, – доложил Арвида. – Мы можем спуститься, когда пожелаете.
Л - - - - -
Г - - - - -
Г - А ты все еще сомневаешься, следует ли нам делать это?
Л - - - - -
Г - - - - -
Г - Вы же знаете, что да.
Л - - - - -

Лишь тогда Каллистон отвернулся от иллюминаторов и посмотрел в глаза своему подчиненному.

Г - - - - -
Г - Ты будешь нужен мне внизу, – сказал он. – Чтобы ни говорили авгуры, там будет опасно. Но если ты этого не хочешь, то так и скажи.
Л - - - - -

Арвида не отвел взгляд, и на его лице мелькнула тень улыбки.

Г - - - - -
Г - Значит, я имею право выбора?
Л - - - - -

Г — Я не буду тебя заставлять.

Арвида покачал головой.

Г — Так не пойдет. Куда вы, туда и я вместе со всем моим отделением. Вам удалось их уговорить.

Г — Им требовалось немного убеждения.

Г — Нам предстоит многое понять, но я не понимаю, как наше прибытие поможет в этом.

Каллистон позволил мимолетному раздражению скользнуть по строгому лицу.

Г — Нам нужно с чего-то начать.

Г — Я знаю. И как уже сказал, если вы уверены насчет этого, тогда я с вами. Можете не сомневаться во мне.

Каллистон вновь взглянул на порталы реального космоса. Планету окутывала аура смерти, которую смог бы ощутить даже самый невосприимчивый к варпу смертный. Области между реками огня имели цвет воронова крыла, они казались провалами, ведущими в никуда. Здесь случилось нечто грандиозное и кошмарное, и эхо этого события еще не успело угаснуть.

Г — Я не сомневаюсь, брат, — уверенно произнес он. — Нас оставили в живых по какой-то причине, и это возлагает определенные обязанности. Мы высадимся на ночной стороне терминатора.

Его темные глаза сузились, пристально всматриваясь в увеличенное изображение полушария планеты. Казалось, он пытается сопоставить то, что он видит, с чем-то давно забытым, с чем-то уничтоженным.

Г — Прошло всего полгода с тех пор, как нам приказали улететь, — сказал он, обращаясь к самому себе. — Трон, Просперо изменился.

Г — Менес Каллистон, капитан, Четвертое братство, Тысяча Сынов.

Я вспоминаю это через пару мгновений, и слова быстро слетают с моих пересохших губ. Думаю, именно это и требуется говорить — имя, звание, порядковый номер.

Наверное, мне не следует говорить больше, хотя я чувствую странное нежелание молчать. Они могли ввести мне сыворотку правды, хотя сомневаюсь в этом. Пока я не вижу причин молчать. Кроме того, понятия не имею, зачем я здесь, что происходит и сколько мне еще осталось жить.

Г — Что ты делаешь на Просперо? — спрашивает он.

Г — Могу спросить тебя о том же.

Г — Можешь. А я могу убить тебя.

Думаю, ему хочется убить меня. Присутствующее в голосе непреодолимое желание выдает его с головой. Он сдерживает себя с огромным усилием. Полагаю, он космический десантник. Подобный голос едва ли можно с чем-то спутать, он поднимается из увеличенных легких, покрытого мышцами горла и бочкообразной груди, словно вода в мельнице.

Мы считаемся братьями.

┌ ----- ┐
└ Что ты знаешь о причинах гибели планеты? – спрашивает он. ┘
┌ ----- ┐

Пока он не повышает голос. Воин говорит осторожно, сдерживая рвущуюся из него приливную волну насилия. Но чтобы преодолеть эту дамбу не потребуется много усилий.

┌ ----- ┐
└ Нам приказали покинуть орбиту полгода назад, – отвечаю я. По крайней мере пока говорить правду кажется ┘
┌ ----- ┐
└ наилучшим выходом. – Некоторые оспаривали приказ, но не я. Я никогда не сомневался в словах своего ┘
┌ ----- ┐
└ примарха. Лишь позже, когда нам не удалось выйти на связь, мы начали подозревать неладное. ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Насколько позже? ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Спустя пару недель. Мы находились в варпе. ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Почему вы не вернулись сразу? ┘
┌ ----- ┐

О, да. Я спрашивал себя о том же множество раз. После каждого нового вопроса я вспоминаю все больше. Но тем не менее я до сих пор не могу вспомнить, как попал сюда. Абсолютная пустота, словно прошлое скрыто за стальным занавесом. Чтобы создать подобный занавес, требуется великое мастерство, освоить которое под силу далеко не каждому. Я начинаю понимать, какой силой обладают те, кто взял меня в плен.

┌ ----- ┐
└ Я хотел, но другие – нет. Мы пытались выйти на связь с помощью астропатов, но наши боевые пароли ┘
┌ ----- ┐
└ указывались неверными всякий раз, когда мы пытались установить контакт. Вскоре после этого наши корабли ┘
┌ ----- ┐
└ атаковали. Полагаю, это были вы или те, кто был с вами в сговоре. ┘
┌ ----- ┐

Неужели моя догадка верна? Я приближаюсь к истине? Мой дознаватель ничем не выдает себя. О его присутствии свидетельствуют лишь запах крови и горячее дыхание во мраке.

┌ ----- ┐
└ Сколько вас выжило? ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Не знаю. Нам пришлось разделиться. ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Значит, твой корабль прибыл сюда один. ┘
┌ ----- ┐

┌ ----- ┐
└ Да. ┘
┌ ----- ┐

Может, мне не стоит говорить столь прямо? Я не знаю. У меня нет ни плана, ни цели. Информация, которую я даю ему, не кажется важной. Хотя, вспомни я обстоятельства своего пленения, это было бы не так.

Мой внутренний взор все еще окутан тьмой. Быть ограниченным пятью чувствами, данными мне от

рождения, кажется неестественным. Я понимаю, что если не буду стараться, все станет еще хуже. Не знаю, останется ли эта блокировка навсегда, особенность ли это комнаты, в которой я нахожусь, или же временная рана. Как атенеец, я привык видеть ментальные отражения людей, подобно свечам, которые мерцают за занавесом.

Я плохо переношу его отсутствие. Из-за этого я испытываю желание говорить, лишь чтобы заполнить возникшую пустоту. Но сейчас мне не нужны психические чувства, чтобы заметить отчаяние моего дознавателя. В нем скрывается невероятная ярость, жажда насилия, и ему едва удастся держать себя в руках. Я смогу либо воспользоваться этим, либо же оно подвергает меня ужасной опасности.

┌ -----┐
┌ Но даже в этом случае вам потребовалось много времени, чтобы вернуться, — замечает он. ───┘

└ -----┘

┌ -----┐
┌ Мы задержались из-за варп-штормов. Они многие месяцы были непреодолимыми. ───┘

└ -----┘

Мой дознаватель смеется — кошмарный звук, похожий на треск голосовых связок.

┌ -----┐
┌ Так и было. Уверен, ты знаешь причину. ───┘

└ -----┘

Я ощущаю, как он наклоняется ко мне. Я ничего не вижу, но его дыхание становится громче. Я представляю себе широкий, наполненный зубами рот с высунутым черным языком, хотя не представляю, так ли это на самом деле.

┌ -----┐
┌ Вы либо благословлены, либо прокляты, раз сумели прорваться сквозь них, — говорит он, и я чувствую, ───┘

├то ему нравится управлять моей судьбой. — Пока я не решил, что же именно, но мы еще вернемся к этому ───┘

└ -----┘

В отсеке не осталось «Грозových птиц», а на «Геометрическом» никогда не было «Громовых ястребов», поэтому спускаться им пришлось в войсковом транспортнике. От штатной команды эсминца остался лишь самый необходимый костяк — пару сотен смертных, некоторые из них все еще были в форме Стражи Шпилей. В иные времена, готовя транспортник, они смотрели бы на своих хозяев астартес с благоговением, но события последних месяцев пошатнули их веру. Они увидели руины Просперо, и это окончательно сломало их дух.

Когда на планету обрушился рок, у многих из них оставались там семьи. Каллистон знал, что подобные связи важны для смертных. Сам он не мог вспомнить значение подобных отношений, но ощущал потерю иначе.

После запуска транспортник неуклюже пролетел сквозь сгущающуюся атмосферу, повинувшись командам пилота, словно чрезмерно ретивая лошадь. Колонна управления предназначалась не для рук космического десантника. В воздухе все еще кружились облака пепла, которые яростные бури разносили над континентами.

Транспортник снижался тяжело, вжимая экипаж в удерживающие клетки, пока маневровые двигатели боролись с инерционным падением. За все время спуска никто из членов отделения не обронил и слова. Клетки поднялись, позволяя воинам взять оружие. Каллистон, Арвида и остальные боевые братья в десантном отсеке плавными движениями магнитно закрепили болтеры и силовые клинки, после чего открылись задние двери.

Десантный отсек наполнился воздухом Просперо. Сквозь ребризер шлема Каллистон ощутил жар, будто исходящий от котла. Воздух все еще был теплым, прогорклым от пыли с руин.

Наступила глубокая ночь. По темно-красному, цвета застарелого шрама, небу то и дело пробегали грязные тени от облаков дыма. Во все стороны тянулись развалины зданий, остовы библиотек и сокровищниц, оружейных и исследовательских лабораторий. Тишину нарушали лишь стихающий рев двигателей транспорта и слабые порывы раскаленного ветра.

Каллистон первым спустился по рампе. Когда он сошел с нее, под его ботинками раздавался хруст. Он посмотрел вниз. Земля Просперо блестела. Она вся была покрыта глубоким и ровным, словно упавший снег, ковром из битого стекла.

Когда-то здесь все было из стекла. Пирамиды, библиотеки, галереи. Теперь это — прах.

Г — — — — —
Г Обыскать местность, — приказал Каллистон по воксу. — Приготовить оружие. Встреча в точке «Алеф».
Л — — — — —

Космические десантники медленно разошлись во все стороны. Двое воинов, которые пилотировали корабль во время спуска, остались охранять его, расположившись у рампы в задней части фюзеляжа. Семеро остальных подняли болтеры и, стараясь производить как можно меньше шума, двинулись по мерцающей стеклянной пыли. Они выстроились грубым полукругом, каждый брат направился к одному из виднеющихся впереди зданий. Воины оставались в пределах ста метров друг от друга, таким образом сформировав широкую сеть. Они принялись прочесывать опустошенные улицы.

Каллистон моргнул-щелкнул на руну, чтобы усилить режим ночного видения. Местность вокруг него засверкала ложными цветами контуров. Он не видел рун целей, жизненных показателей или предупреждений о приближении. Из туманной мглы перед ним выступали лишь оголенные остовы разрушенных домов.

По комм-связи никто не переговаривался. Боевые братья с почтением шли вперед. Они ступали по могилам родного мира.

Каллистон приподнял голову и заметил вздымающуюся из тьмы длинную металлическую балку. Она протянулась на более чем сотню метров в высоту, но была тонкой, словно обожженный древесный ствол. Некогда балка поддерживала массивную конструкцию, но теперь торчала в одиночестве — редкая выжившая после огненных бурь, бушевавших в Тизке.

Город Света. Дом наших людей.

Г — — — — —
Г Есть что-то, брат-капитан? — раздавался по личному каналу голос Арвиды.
Л — — — — —

Сержант шел немного впереди, из-за чего выбивался из общего построения. В другое время Каллистон скорее всего сделал бы ему за это выговор.

Г — — — — —
Г Ничего нет, — ответил Каллистон, стараясь сдержать эмоции. Даже на расстоянии в сотню метров он чувствовал скептицизм Арвиды. Когда капитан вновь оказался на Просперо, способность читать разум полностью вернулась, и ему стало ясно настроение каждого боевого брата отделения.
Л — — — — —

Г — — — — —
Г Возможно, здесь уже ничего не осталось, — заметил Арвида.
Л — — — — —

Г — — — — —
Г Возможно.
Л — — — — —

Слова, похоже, раздражают дознавателя, и его дыхание становится неровным.

— Вы — слабаки, — выдыхает он, и голос становится резким и обвиняющим. — Вы вернулись сюда, чтобы собрать обломки того, что позволили уничтожить. Будь это мой мир, я бы никогда не покинул его. Я бы убил любого врага, посмевшего приблизиться к нему, и плевал бы на приказы примарха. Вы были слабы, капитан Каллистон. Слабы.

Он акцентирует внимание на этом слове, будто выплевывая его. Я ощущаю приближение дознавателя. Теперь он стоит прямо возле стула, едва вырисовываясь во тьме. Меня обдувает горячим и едким, похожим на собачье, дыханием.

— Если бы мы знали... — начинаю защищаться я. Не знаю, почему чувствую необходимость в этом. Неважно, что собеседник думает обо мне, ибо совесть моя чиста.

— Если бы вы знали! — взрывается он, прерывая мой правдивый ответ. На мое лицо летят капли слюны. На мгновение кажется, будто он впал в ярость, но я затем понимаю, что воин смеется. — Только послушай себя, Тысячный Сын. Вы всегда были такими надменными, исследуя миры, которые другие легионы завоевали благодаря своей доблести, и бахвались пониманием того, что мы нашли для вас. Вы никогда не любили марать руки кровью. О, нет. За вас это всегда делали другие, чтобы вы больше времени могли проводить в своих библиотеках. Вы хоть знали, какими ничтожествами мы вас считали?

— Прекрасно знали, — отвечаю я.

Это действительно так — мы понимали, насколько сильно наши братья не доверяли нам, и поэтому старались не провоцировать их. Он глубоко заблуждается, говоря, что мы бахвалились своим пониманием. Вместо этого мы скрывали свои знания, пытаясь не продемонстрировать их без лишнего повода. Как оказалось, наши инстинкты лишь усугубили положение вещей.

— Вы знали? Вы могли сражаться как воины вместо того, чтобы использовать колдовство. У вас ведь был выбор. Я не понимаю вас.

А был ли у нас выбор? Просперо был миром, пропитанным психическими возможностями Великого Океана. К худу или добру, он коснулся всех нас. Не думаю, что мы могли бы отказаться от данных нам возможностей, хотя понимали, что при этом раздражаем другие легионы.

Но теперь этот вопрос уже лишен всяческого смысла. Мы сделали то, что сделали, и ни одна сила во вселенной не способна изменить прошлое.

— Мы сражались, — говорю я, вспоминая завоевание Сорокопута, когда сам Магнус вел нас в бой. Он был величественен и могуч, как Русс или Лоргар, каждой своей частичкой походя на воплощение мечты Императора ю возлюбленном сыне. — Мы играли свою роль.

— Больше нет, — звучит ответ, грубый от нескрываемого торжества. — Ваша роль подошла к концу. Ваши пирамиды разрушены, а хребет вашего примарха-ублюдка сломан.

Он ненавидит нас. Даже после укрощения моего легиона его ненависть не угасла. Возможно, именно поэтому он привел меня сюда. Чтобы позлорадствовать. Мой внутренний взор постепенно возвращается, и я ощущаю бурлящее в дознавателе раздражение. Его оставили здесь, в то время как остальные направились для дальнейших завоеваний. Это один из источников его злости. Вскоре он выплеснет ее на меня.

Тот без лишних слов указал на землю.

Среди битого камня лежала перчатка. Каллистон поднял ее и повертел на свету. Цвета латуни, она могла в любой момент развалиться на куски. Перчатка явно была от комплекта силовых доспехов легионеров астартес — ни один смертный не смог бы носить ее. У нее отсутствовали два пальца, и пустые обрубки почернели от гари. На тыльной части, там, где основная керамитовая пластина защищала кулак воина, была нанесена руна. Она не казалась здесь неуместной. Даже Каллистон, которого едва ли можно было назвать экспертом в искусстве, признал, что ее вырезали с великим мастерством.

— А какие наши братья пользуются рунами? — спросил он самого себя.

Каллистон опять вспомнил нападение на Сорокопут, название, которое его легион дал Заливу Ковчеха Секундус. Именно там Магнус впервые столкнулся с Руссом, чтобы сохранить библиотеки авенианцев. Это был ужасный день. Каллистон своими глазами видел, как Русс с неутолимой жадностью разрушения в глазах мчался по дороге, и казалось, что космические десантники вступят в бой со своими братьями. Он помнил чистое величие Волков Фенриса, заключенную в их гигантских телах потрясающую мощь. Да, на какое-то время их удалось задержать с помощью колдовства, но в конечном итоге они бы сломали барьер. Волки продолжали бы идти, несмотря на потери, словно вылетевший из орудия снаряд.

Беспощадность. Сила, которую однажды выпустив, уже не остановить.

— Это их рук дело, — юный голос Фэрега стал сиплым от кипевших внутри воина эмоций. — Волки Фенриса.

Каллистон поднялся, не отрывая глаз от перчатки.

Они всегда были главными подозреваемыми. О давней вражде Магнуса и Русса знали все, как и о внезапных и непредсказуемых приступах жестокости Волков. По слухам, суд на Никее был проведен по требованию Русса. Ненависть Волчьего Короля к колдовству дала ему повод, и он, судя по всему, пошел на поводу своей нетерпимости.

Но как он мог осмелиться на подобное? Неужели Русс сошел с ума, предавшись дикости, которая всегда горела в его варварской душе? Или это произошло с соизволения некой высшей силы?

Чем дольше Каллистон смотрел на перчатку, вглядываясь в одну-единственную руну, вырезанную на керамите, тем больше у него появлялось вопросов. Узнать исполнителя это одно, но вот понять причины, которые побудили его на это — совершенно другое.

— Капитан, — доложил по воксу Арвида, нарушив ход мыслей Каллистона. — Доказательство. Мы нашли следы Космических...

— Знаю, — со смертельной усталостью в голосе ответил Каллистон. — Руссовы псы.

— Части доспехов, — подтвердил Арвида. — Они оставили знаки на стенах. Некоторые из них... непристойные.

Тогда Каллистон ощутил укол злости. Волки были дикарями, столь же ограниченными и необузданными, как зеленокожие. Он никогда не понимал их значения в Великом крестовом походе, кроме как осквернять славу просветленного человечества и порочить достижения Объединения. Хуже их были

только берсерки Ангрона, но их по крайней мере Магистр Войны взял под свою опеку. Только для Волков Фенриса не нашлось такой же разумной и сдерживающей руки, и теперь они, похоже, утратили последнее подобие контроля.

— Мы находим все больше доказательств, — ответил Каллистон, обращаясь ко всему отделению через канал миссии. — Перегрупулируемся у пирамиды Фотепа.

Фэрет тут же поднялся на ноги, когда Арвида еще раз включил комм-связь.

— На планете все еще могут оставаться Волки, — предупредил он. — В этой зоне целей не обнаружено?

— Я ничего не вижу, — сказал Каллистон, выдавая свое раздражение. Арвида всего лишь выполнял свой долг, но что-то в мелочном скептицизме сержанта выводило его из себя. — Выдвигаемся...

В этот момент голова и плечи Фэрета исчезли в вихре доспехов, осколков кости и крови. По улице эхом разнесся грохот тяжелого оружия, сопровождаемого резким треском болтерного огня.

Каллистон метнулся за колонну и почувствовал, как дрожит и разлетается камень под ударами реактивных снарядов. Капитан отполз назад, подальше от огненного шквала под укрытие более прочного участка стены. Вокруг него рвались снаряды, разбрасывая во все стороны мерцающие волны стекла.

По комм-связи раздались тревожные крики и слабые отзвуки болтеров. Его отделение накрыли огнем. С дисплея его шлема исчезли еще две руны жизненных показателей.

Трон, откуда они стреляют?

— Нас прижали сильным огнем! — доложил Орфид в двухстах метрах от него. — Множественные...

Затем его сигнал мигнул и погас, оставив на канале лишь шипение статики.

— Отступайте к моей позиции! — приказал Каллистон, оглядевшись на окружающую его местность. Среди разрушенных зданий было много мест для укрытия, но все они едва ли выдержали бы концентрированный огонь. — Отступайте ко мне. Повторяю, отступайте ко мне.

Он рискнул выглянуть через дыру в стене, стараясь держать голову как можно ниже. На дисплее шлема все еще не отображались руны целей, но их ауспики могли глушить.

В двухстах метрах, у дальнего конца пустынной улицы он впервые заметил движение. Нечто бледно-серого цвета быстро перебежало в укрытие, пригнув голову. Его силуэт угадывался безошибочно — силовые доспехи космического десантника. Других Каллистон не заметил, хотя знал, что их там куда больше. Он проверил магазин и счетчик патронов. Его сердца вошли в быстрый и равномерный ритм, предвосхищавший скорое сражение. Капитан ощутил знакомое пощипывание кожи, когда стимуляторы попали в его кровеносную систему и приготовили мускульно-нервные разъемы панциря.

— Это мой мир, псы, — яростно взревел он. — Так что вам придется сразиться за него.

— Девять, — говорит он. — Девять глупцов. Похоже, у вас не было другого плана, кроме как рыскать среди

руин в поисках мусора. Разве вам не приходило в голову, что разрушители Просперо могли оставить на Планете войска?

— Конечно, приходило.

— Но вы все же рискнули.

На краткий миг задаюсь вопросом, не попытаться ли удачи вновь. Я с легкостью могу вывести его из себя, но главное — время. Пока я сдерживаюсь.

— Да. Но у нас не было иного выхода. Мы были одни, далеко от остатков флота. Оставаясь в неведении, мы были уязвимы. Я решил искать выживших на Просперо, возможно, самого примарха. Мы понимали, что вряд ли кого-то найдем, но у нас были и другие причины, как ты сказал, рыскать среди руин.

Доселе мерное дыхание моего дознавателя замерло на крошечный миг.

— Другие причины?

Я решаю и дальше говорить правду. Допрос в любом случае скоро закончится.

— Из всех человеческих миров Просперо был величайшим хранилищем знаний, — говорю я, не пытаюсь скрыть гордость в голосе. — Здесь были библиотеки, которые по полноте могли соперничать даже со знаниями древних рас. В наших хранилищах содержались тайны и секреты, которые не могли полностью разгадать даже мы. Пока вы бороздили звездное море с одним лишь желанием грабить и убивать, мы учились.

В этот момент я вспоминаю, что использовал те же слова, чтобы доказать Арвиде необходимость вернуться сюда. Тогда сержант внимал с так же, как и мой собеседник сейчас.

— Ты говоришь о колдовстве, — говорю я и отваживаюсь на нечто большее. — Но ты ничего о нем не знаешь. Великий Океан представляет собой настолько тонкую материю, что постичь ее можем только мы. Мы смотрим в само вещество варпа и понимаем его сущность. Мы видим проблески будущего, возможности столь грандиозные, что их нельзя описать словами.

На ум мне приходят чудесные картины. Я вспоминаю устройства, которые мы использовали для учения, поиска знаний, исцеления и об их невероятном потенциале. Мы походили на детей, попавших в страну чудес, наши глаза блестели от грез о грядущей славе.

— Я думал, что нам удастся спасти хотя бы что-нибудь из уцелевшего. Если судьба предрешила, что нам следует уйти, то мы могли бы по крайней мере оставить после себя инструменты, которые успели собрать.

— И много вам удалось найти?

Теперь он жаждет получить как можно больше информации. Насмешка в его голосе сменилась чем-то, напоминающим нужду. Возможно, он не понимает, что я вижу его насквозь. Странно, что он такой хрупкий. Мне всегда казалось, что Волки более уверены в себе.

— Нет, — говорю я, разбивая его надежды так грубо, как только могу. — У нас не было времени. И в любом случае едва ли что-то могло уцелеть после принесенного вами разрушения. Вы уничтожили все. Если бы я знал, что за всем этим стоите вы, то ничего другого бы не ожидал. Вы — мясники и психопаты, садисты и глупцы, низайшие из...

Я знаю, что делаю. Его образ мыслей становится мне все понятней. Я пробуждаю в нем надежду, а затем

рушу ее. Я ощущаю хрупкость его разума и бью туда, где боль окажется сильнее всего.

Я замолкаю лишь тогда, когда в мою челюсть с силой врезается кулак. Хотя я привычен к физическому шоку, удар затмевает мои чувства. Дознаватель движется быстро, куда быстрее, чем сумел бы я. Я чувствую, как с хрустом ломается моя челюсть, а голова бьется о металлическую спинку кресла. Внутри вспыхивает горячая яркая боль. Затем мое лицо охватывает вторая волна агонии.

┌ ----- ┐
└ Ты ничего о нас не знаешь! – ревет он, и в его голосе просыпается ярость. ┘

Постепенно я начинаю понимать, что высвободил нечто невероятной мощи, и все внутри меня сжимается.

Он наносит мне еще один удар, и голова болезненно дергается в оковах. И без того слабое зрение завлакивается красно-черной крапчатой дымкой. Нечто другое — ботинок? -врезается в мою оголенную грудь, ломая и вбивая внутрь спаянные ребра.

┌ ----- ┐
└ Ничего! – кричит он, и на мои разбитые щеки падает густая слюна. Он орет прямо мне в лицо. ┘

Мне нечего ему противопоставить. Я сделал ход слишком рано, и теперь он точно убьет меня. На меня падают новые, тяжелые словно молоты удары, которые рвут кожу, терзают мускулы и ломают кости. От непрерывных смертоносных ударов голова шатается из стороны в сторону, будто волчок. Если бы не оковы, мою голову уже наверняка бы оторвало. Затем он останавливается. Благой Трон, он останавливается.

Я слышу, как он все еще ярится, в бешенстве выплевывая неразборчивые слова. Он ходит по комнате, стараясь обуздать спущенные мной темные силы. Я пытаюсь вдохнуть воздух, чувствуя, как натужно работают пробитые легкие. Голова кажется распухшей от крови. Мир вокруг меня словно кружится, густой и размытый от боли.

Его дыхание похоже на звериное, обрывистое и утробное. Долгое время он не говорит. Не думаю, что он способен на это. Ему требуется время на то, чтобы погасить ярость.

┌ ----- ┐
└ Ты ничего о нас не знаешь, – вновь рычит он, и в его голосе слышится ужасающая урчащая угроза. ┘

Я не могу ответить. Мои губы распухли и растрескались, и я ощущаю, как в ранах скапливается кровь.

┌ ----- ┐
└ Такой самоуверенный, – сплевывает он, и я чувствую на своем теле густую маслянистую слюну. – Такой чертовски самоуверенный. Но, как выяснилось, ты знаешь даже меньше, чем думаешь. ┘

Он опять приближается, и я чувствую его горький запах. Он о многом говорит. В нем есть что-то звериное, сравнимое с мокрой шерстью охотничьей собаки, но есть и нечто еще. Химическое, скорее всего.

┌ ----- ┐
└ Ты все еще не знаешь, почему я привел тебя сюда, – говорит он. Я ощущаю его презрение. – Пора пролить немного света. ┘

С этими словами вспыхивают вмонтированные в стены лампы. Внезапный свет приносит лишь новую боль, и мои распухшие веки с трудом закрываются. Из-за запекшейся на них крови мне требуется некоторое время, чтобы хоть немного приоткрыть их.

находились от них на расстоянии клинка.

Арвида дал им пройти мимо, а затем резко развернулся, выскочил из укрытия, прицелился и сделал два выстрела. Они были направлены в головы врагам, каждому по одному. Первый снаряд идеально попал в свою цель и разорвался, врезавшись в заднюю часть заляпанного кровью светлого шлема. Жертва пошатнулась, сделала еще шаг вперед и тяжело свалилась на землю, разметав во все стороны осколки стекла.

Но предсказания не бывают идеальными. Второй снаряд скользнул по доспехам другого космического десантника, отчего тот дернулся, но не упал. Воин практически мгновенно восстановил равновесие, а затем оглянулся и резко развернулся. В Арвиду полетел луч раскаленной добела плазмы.

В это время корвид уже начал двигаться, бросившись под защиту статуи, прежде чем камень содрогнулся от энергетического импульса. От второго выстрела она раскололась, полностью развалившись на куски. Арвида выскочил из-под падающих обломков, на ходу выпуская очередь из болтера.

Враг также не стоял на месте. Он рванулся в ближний бой. В левой руке враг сжимал цепной топор, который гудел словно рой разъяренных насекомых. Его движения были мощными и стремительными, идеально выверенными и ведомыми всепокрушающей силой. Цепной топор летел, метя в грудь, но затем резко дернулся к шее Арвиды.

Без помощи предсказания он был бы уже мертв. Его противник был быстрее и сильнее. Но когда оружие изменило траекторию, Арвида уже двигался, уклоняясь от предначертанного пути кромсающих зубьев. Умело сместив вес под промчавшимся над головой навершием топора, сержант ушел от удара и трижды выстрелил в лицо врагу. Болт-снаряды мгновенно взорвались, разбросав обоих воинов в разные стороны.

Арвида тут же вскочил на ноги, держа болтер наготове. Но необходимости в этом больше не было. Лицо врага превратилось в пустую скорлупу из крови, фрагментов шлема и осколков кости.

Какой-то миг сержант стоял над поверженным воином, чувствуя, как по сосудам пульсирует кровь. Только что он впервые столкнулся так близко с теми, кто охотился за его отделением.

Стоило ему взглянуть на символы на наплечниках, его удовлетворение от убийства сменилось шоком. Но затем в его ощущении будущего эхом, словно отголоски сна, разнеслись звуки погони. Остальные воины быстро приближались.

Арвида бросился бежать в сторону транспортника, петляя между нависающими обломками зданий. В одиночку ему не пробиться к позиции Каллистана, а своей бессмысленной гибелью он не принесет никакой пользы. Единственным выходом было поднять корабль в воздух и попытаться вытащить остальных.

Скрываясь среди теней, словно гуль, сержант пытался осмыслить увиденное.

Но в этом не было смысла. Вообще никакого смысла.

Доспехи моего собеседника, которые в кромешном мраке казались серыми, на самом деле грязно-белого цвета. Некогда его наплечники были выкрашены ярко-синим, хотя теперь каждая видимая поверхность его доспехов покрыта толстым слоем коричнево-красной грязи.

на тщательность Волков, они могли забыть о ней. Я приказал оттуда кое-что вынести.

Кхарн достает из доспехов железный кулон. Он имеет форму волчьей головы, воющей на фоне полумесяца. Металл черный, словно его слишком долго продержали в огне.

— Лунный Волк, — говорит Кхарн. — С его помощью твой примарх связывался с Гором. Когда-то он был частью доспехов Магистра Войны, поэтому они обладают симпатической связью.

Он говорит так, будто эти слова могут для меня что-то значить, хотя я изо всех сил стараюсь понять их смысл.

— Им можно воспользоваться вновь, а Гор пока не желает вступать в разговоры. Кулон будет уничтожен, и тем самым закроется еще одна потенциальная брешь в нашей защите. Затем, хвала богам, я смогу заняться более полезной работой.

— Не понимаю, — говорю я, и от упоминания *богов* мне становится неуютно. — Причем здесь Гор? Что здесь случилось?

На этот раз Кхарн не улыбается, но я чувствую внутри него злобное удовлетворение. Даже больше. Он сгорает от агонии, агонии, которую можно заглушить лишь убийством. Кхарн прибыл на Просперо не только ради Лунного Волка.

— Ты и правда ничего не знаешь, — говорит он. — Я хотел выпытать что-нибудь полезное, но вижу, ты ничего не знаешь. Поэтому я буду мучить тебя иначе.

Он наклоняется вперед, и я отшатываюсь от его дыхания, воняющего сырым мясом.

— Слушай меня, Тысячный Сын, и я расскажу тебе историю. О великих переменах, происходящих в галактике, о крушении всех надежд твоего примарха и финальном триумфе благородного сильного над трусливым слабым. А затем, прежде чем убить тебя, о последней цели этого крестового похода, который люди в своем бесконечном неведении начинают звать Ересью.

От стрельбы закладывало уши. Болтерные снаряды разрывались в окружающих стенах, размалывая их в пыль. Враги также подтянули тяжелое оружие. Над головой Каллистона пронеслась ракета и врезалась в каменную балюстраду в пяти метрах от его позиции.

Капитан Тысячи Сынов лежал в старой воронке где-то в районе центра города. Вместе с ним у самого края вздыбленной земли прятались два воина его отделения, их плечи сотрясались раз за разом, когда они выпускали во мрак очереди реактивных снарядов. Вражеский огонь был настолько плотным, что им едва удавалось отстреливаться, и теплый ночной воздух то и дело прошивали летящие в их направлении трассирующие снаряды. На дне воронки неподвижно лежало четвертое тело.

— Приготовиться к отступлению, — приказал Каллистон, наблюдая за тем, как заканчиваются снаряды в магазине. У него не оставалось иного выбора. Из-за темноты и расстояния он не мог определить количество врагов, но, судя по всему, к ним приближалось не менее тридцати космических десантников. Эту позицию им не удержать.

— Куда, брат-капитан? — спросил Леот, один из двух выживших Тысячных Сынов. В его голосе не чувствовалось страха, но звучал укор. Он понимал, насколько малы их шансы.

К транспортнику, – ответил Каллистон, заменяя магазин. – Но не напрямик. Прорвемся к колоннаде, а оттуда пойдем в обход.

По болтерным вспышкам он вычислил ближайших врагов, затем вылез на край воронки, выпустил прицельную очередь и закатился обратно в укрытие. Едва капитан приземлился, как толстый слой земли, стекла и мусора, на котором он лежал еще мгновение назад, разметало вражеским огнем. Затем в его сторону понеслись новые болтерные снаряды, а над головой просвистела вторая ракета.

Пошли, – произнес Каллистон, приказывая бойцам двигаться вперед, пока сам он прикрывал отступление.

Стараясь держаться в тени воронки, оба космических десантника побежали к дальнему краю кратера. Взобравшись наверх, они бросились вперед. Каллистон добрался до склона, выпустил еще одну очередь и рванул следом. Он стремительно поднимался по неровной земле, ощущая, как та дрожит от рвущихся вокруг снарядов.

Затем Каллистон оказался на уровне улицы и бросился за боевыми братьями, высматривая по пути укрытие.

Слишком поздно капитан понял, что оттуда, куда они направлялись, к ним приближались новые враги.

Нас атаку... – начал было он, но умолк, заметив клубящийся шлейф ракеты.

Она врезалась в землю прямо перед ним, ввергнув его в ревущую смесь боли и кувырков. Каллистон почувствовал еще несколько ударов по доспехам, один из которых пришелся ему в грудь. От близких взрывов тело капитана подбросило вверх, а затем он врезался во что-то неподатливое. Его спина болезненно выгнулась, и он почувствовал, как дробятся кости правой ноги. Зрение Каллистона помутилось, а окружающий мир окрасился плывущей смесью цветов.

До него смутно донесся топот приближающихся шагов и обрывистый рев болтеров. К его лбу приставили ствол, который резко звякнул о гладкую поверхность шлема.

Нет, – раздался неподалеку голос, похожий на звериный и наполненный едва сдерживаемым желанием убивать. – Живым.

Затем тело Каллистона, словно грозовой молнией, обожгло болью. Он начал соскальзывать в забытье. Его поглотила тьма.

Я всегда считал за дар возможность проникнуть в человеческий разум, ценил способность понимать, говорит мой собеседник правду или же лжет, тогда как неодаренные смертные узнают это по учащенному пульсу, потоотделению или бегающим глазам. Подобная сила кажется мне одной из ценнейших в арсенале, еще одно свидетельство неизбежного прогресса, который человечество совершает на пути к божественности.

Теперь я понимаю цену такой проницательности. Я не могу усомниться в том, что мне говорят. Я не могу сказать себе, что Кхарн скрывает от меня правду, ибо его разум похож на прозрачную чашу, в которой ничего не утаить.

Поэтому я должен верить. Должен верить, когда он говорит о завершении Великого крестового похода и обращении примархов к тьме, о надвигающемся шторме, который уже тянется к Терре. Должен верить,

что мой генетический отец, которого я почитал вместе со всеми боевыми братьями, оказался виновным в ужасной ошибке и сбежал из физической вселенной вместе с остатками нашего легиона. Должен верить, что моя жизнь теперь бессмысленна, что она — последний отголосок войны, в которой я так и не принял участия.

Пока он говорит, я начинаю приходить в себя, а мои способности возвращаются быстрее прежнего. Мое тело вступает в стремительный процесс исцеления, ставший возможным после того, как в него имплантировали улучшенные органы. Я готовлюсь выживать дальше и противостоять всему, что встанет у меня на пути.

Вот кем я стал — машиной выживания. Незирая на тяжелые травмы, моя кровь продолжает свертываться, сухожилия — срастаться, а кости — заделывать трещины. Рассказывая в столь мучительных подробностях, он дарит мне драгоценное время. У меня есть оружие. Я могу причинить ему вред, а, возможно, и убить его. Знает ли он об этом? Или же я настолько ослаб, что Кхарн не видит во мне угрозы?

Наверное, он прав. Мой дух, моя уверенность — они исчезли. Поступки Магнуса либо слишком хитры для понимания, либо же попросту злы. В любом случае я могу сконцентрироваться только на предательстве.

Почему он отослал нас? Магнус понимал, что мы постараемся вернуться или что мстительные силы, разрушившие этот мир, начнут преследовать нас в пустоте. Он был величайшим из нас, *магусом*, который яснее всех прозревал изменчивые пути Океана. Поэтому я не могу списать все на простое упущение. Здесь есть некий план. Во всем есть некий план.

Г - - - - -
Г - И так, Тысячный Сын, — спрашивает мой мучитель. — Что ты из этого понял?
Г - - - - -

Он наслаждается моим унижением. Это отвлекает его от собственных мучений. Старый как мир способ — сильный причиняет боль, чтобы самому отвлечься от нее.

Это не сработает. В конце боль все равно вернется, даже если перед этим он убьет все живое в галактике.

Г - - - - -
Г - Вы вступили в союз с предателем, — говорю я, чувствуя, как в моих словах звенит пустота.
Г - - - - -

Г - Ты зовешь его предателем. История же наречет его икупителем.
Г - - - - -

Г - И ты говоришь, что Волки Фенриса сделали это, дабы наказать нас за предательство? Тогда почему вы юхотитесь за нами?
Г - - - - -

Г - Они пришли за вами потому, что считали, будто вы переметнулись на сторону врага. Мы же пришли за вами потому, что знаем — это не так. Не по-настоящему. Не наверняка. Наша цель требует полной самоотдачи.
Г - - - - -

Г - Так вы никогда не верили в Объединение? Оно всегда было для вас тяжким бременем?
Г - - - - -

Кхарн кривится. Он похож на ребенка, его эмоции легко читаются. Мой внутренний взор здесь не требуется — теперь его может прочесть даже самый захудалый практикус.

Г - - - - -
Г - Мы верили в него, — рычит он, и в его голосе снова пробуждается жестокость. — Никто не верил в него
Г - - - - -

Сильнее нас. Никто не прилагал больших усилий, чем мы.

Он приближается ко мне. Из-за яркого света его глаза блестят.

— Мы были бойцами, — говорит он. — Мы сотворены по образу и подобию нашего примарха так же, как вы являетесь сынами своего, но его предали и бросили, едва власть над галактикой перешла от воинов к хозяевам рабов.

Я не знаю, кто такие хозяева рабов, но это не важно, ибо Кхарн говорит уже не со мной.

— Они вновь призовут нас, чтобы мы сражались в их битвах, пока сами будут посмеиваться в своих хоромаш. Юни — публика, которая с ужасом будет взирать, как мы поднимаемся к ним наверх. Мы сделаем с ними то, что Ангрону следовало сделать в Деш'еа. Мы высвободим заключенный в нас потенциал.

Я вижу, как бегают его глаза, и могу лишь догадываться, какие перед ним предстают видения. Подобно пророку, увязшему в собственных грезах, Кхарн заперт в мире хрупких воспоминаний и паранойи. Его разуму нанесен колоссальный урон. Вся его энергия и мощь оказались заключены в безумной машине.

Довольно. Пришло время показать, насколько много я понимаю.

— Ты прибыл сюда не ради Лунного Волка, — как можно тише говорю я. — Ты здесь, потому что знаешь об устройствах, некогда существовавших на Просперо. Ты надеялся найти лекарство.

Это заставляет его замолчать. Он смотрит на меня, на его губе, словно бриллиант, сверкает капля слюны.

— Время еще есть, — говорю я, хотя понимаю, в каком опасном положении нахожусь. Мне интересно, был ли тобой запланирован заранее. — Устройства уничтожили, но я могу восстановить их, могу исцелить твой разум, могу извлечь имплантаты и вернуть тебе покой, могу погасить огонь, все время ведущий тебе вперед и заставляющий тебя делать то, что ты считаешь презрительным. Я знаю, что даже сейчас частичка твоего разума презирает себя за содеянное.

Слюна свисает с его застывшего лица.

— Я могу помочь тебе, брат. Могу исцелить твой разум.

Он закрыт от меня и замер в нерешительности. Будь я корвидом, то смог бы увидеть, как перед ним разветвляются пути будущего. Сейчас он на распутье, то, что древние называли *кризисом*. Он может выбрать — отступить или очертя голову броситься вперед. Я не могу вмешиваться. Малейшая попытка вызовет взрыв, который снесет меня, словно хворостинку во время бури.

На один удар сердца я осмеливаюсь поверить в него. Он смотрит на меня, и я вижу доказательство своих предположений. Он погружен в мир боли, которая лишь временно заглушается убийствами. Я знаю, что мои слова достигли частички его старого «я», которое еще теплится в нем. Знаю, он слышит меня.

И сейчас мы наедине где-то среди руин Просперо, крошечное отражение битвы воли, разворачивающейся сейчас по всей галактике.

И на одно-единственное мгновение я осмеливаюсь поверить.

— Колдун! — затем ревет он, и с его губ слетает слюна. — Тебе не исцелить это!

человеческий рассудок и растворить его, словно магnezий в воде.

Но рассудка в нем осталось так мало, что он едва пошатнулся.

Я пытаюсь воспользоваться уязвимостью и наношу тяжелый удар в голову. Мой кулак попадает в цель. Удар хорошо поставлен, и я бью изо всех сил. Его голова запрокидывается назад, и кровь смешивается в воздухе со слюной.

Затем мне приходится уклоняться от яростного ответного удара. Он подобен вихрю, буре ударов. Я чувствую сильную боль, когда его ботинок попадает мне в бедро. Слышится громкий хруст кости.

Я отползаю от него, распластавшись по полу. Меня вновь бьют ногой, ломая бедренную кость. Без достижений я с трудом могу противостоять столь мощным атакам. Мое отрицание очевидного достойно лишь смеха.

Я перекатываюсь на спину, и кулак с силой врезается в пол рядом с головой.

Кхарн возвышается надо мной. Из его рта идет пена, глаза вылезают из распухших глазниц.

Меня погубила моя же жалость. Жалость — единственное чувство, которого он больше не может выносить, ведь она напоминает о том, кем он некогда был. Не предложи я ему исцеление, возможно, он бы оставил меня в живых. Наверное, он сумел бы доказать мне правоту своей цели, и я бы присоединился к освобождению галактики, как он выражался.

Но меня не оставляет мысль о том, что все же следовало попытаться. Когда я смотрю на маску безумной лихорадочности, то вижу, какая судьба постигла бы меня, присоединись я к этому темному крестовому походу. Он потерял самого себя, а то, что от него осталось, едва ли можно назвать человеком.

Сжатый кулак в перчатке врезается мне в лицо. И без того ослабленные кости вминаются внутрь. Я чувствую, как затылок оставляет вмятину в металлическом полу, и липкую кровь, когда голова попадает туда во второй раз.

У меня все кружится перед глазами. Смутно ощущаю второй удар по ребрам. Мое тело взрывается сплошным хором боли, разносящимся нестройным многоголосием.

Затекшими кровью глазами я вижу, как ко мне несется последний удар. Хорошо, что я вижу причину своей смерти. Как верный сын Империи, я никогда не желал иного.

Прежде чем наступит смерть, у меня остается время для одной-единственной мысли.

Я дал тебе выбор, Кхарн. После моей гибели, после того, как пройдет приступ бешенства, ты вспомнишь об этом. Ты мог все изменить.

Уверен, это знание будет преследовать его. Мне страшно подумать, во что он превратится, когда пелена безумия спадет с его глаз, и ему придется столкнуться с этим.

Могу лишь догадываться. Скорее всего, его ничто более не сумеет сдержать, и он станет бросаться на всякого, кто попытается использовать его ради собственных целей. Никто не будет повелевать им, ибо он утратит контроль над самим собой.

Когда его кулак достигает цели, это все, о чем я думаю. Эта мысль не приносит удовлетворения. И, конечно, удовлетворения более не будет ни в чем.

Арвида продолжал бежать. Мертвый город кишел отделениями Пожирателей Миров, которые рыскали среди жилых кварталов, подобно бандам из подулья. Пока он опережал их. Сержант знал Тизку куда лучше и прекрасно помнил хитросплетение ее улиц. Более того, ощущение будущего все еще действовало, заранее предупреждая его о тупиках и не давая совершить ошибку.

Долго так продолжаться не могло. Через какое-то время ему придется отдохнуть, поспать и поесть. Его улучшенное тело могло действовать много дней без единого признака усталости, но не вечно. Волки сожгли Просперо практически дотла, поэтому найти здесь хоть что-то будет задачей не из легких.

Чтобы выжить, нужно было оставаться в городе, скрываясь от погони и пытаясь найти транспорт, на котором удалось бы убраться с планеты. Скорее всего, «Геометрический» все еще находился на орбите, хотя все попытки послать сообщение оказались безуспешными. Корабль был хорошо вооружен, но ему вряд ли удалось бы пережить столкновение с крупным боевым кораблем Пожирателей Миров.

Итак. Варианты ограничены, а выживать придется долгое время.

Каллистон был глупцом. Возвращение на Просперо было явной ошибкой, вызванной чрезмерной верой в примарха. Арвида никогда не разделял подобного мнения, даже в лучшие времена легиона. Какой бы катаклизм здесь не произошел, Магнус был не в силах воспрепятствовать ему, поэтому продолжать верить в его стратагемы по крайней мере глупо. Всякий выживший после Просперо теперь оказался в одиночестве, разбросанная по галактике кучка воинов, сравнимая с обломками потерпевшего крушение галеона.

Арвида не знал, скольким его братьям удалось выжить. Возможно, сотням. Возможно, он остался один.

Сержант взобрался по длинному пологому подъему, ведущему из руин центральной части города. Затем Арвида бросил взгляд на проделанный путь. Отсюда он видел весь центр Тизки. Звездный свет заставлял стеклянные поля сверкать, словно жемчуг. Он был прекрасен.

Город Света.

На мгновение сержант замер, вспоминая, каким тот некогда был. Все замерло. Даже облака дыма, казалось, застыли в кратком миге спокойствия.

Лишь в одном он был уверен. Арвида знал, как может знать только корвид, что смерть настигнет его не на Просперо. Вряд ли сержант искал именно такое утешение, но по крайней мере благодаря этому он понимал, что есть смысл рассчитывать следующий ход.

Он выживет. Найдет истинные причины гибели легиона и будет продолжать жить, чтобы сразиться с виновниками. Не остановится и не отступится до тех пор, пока ему не откроется все, и не получит оружие против врага.

┌ ──┐
┌ Знание – сила, – прошептал он. ───┐
└ ──┘

С этими словами Арвида отвернулся и бесшумно заскользил к руинам. По дороге тусклый свет магмы на мгновение озарил его наплечник, на котором была нарисована змеиная звезда, обвиняющаяся вокруг черной головы ворона, символа его кукла-дисциплины.

Затем он исчез, превратившись в тень среди теней.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Перерождение_/Rebirth_\(рассказ\)&oldid=20471](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Перерождение_/Rebirth_(рассказ)&oldid=20471)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:48.